

УТОПИЯ

Есть где-то страна за морями, долами, горами,
Где сходятся тропы, бегущие между мирами;
Страна истекающих груш и больших апельсинов,
Где радуги – гордые предки поющих павлинов,
Где овцы в серебряных лужицах нежат копытца,
Где чистой воды из источников можно напиться;
За каждым изгибом реки дышит дивная тайна,
И всякая мысль никогда не бывает случайна;
Пернатые жители дарят желающим перья,
И селятся в шляпах тирольских, и знают поверья;
Где плющ обожает старинную грустную кладку
И трепетно гладит ладошками красными сладко;
Питает зелёная кровь его юные плети,
Он жаден и смел, как бывают влюблённые дети.
Дожди, как щенки, лижут стёкла и тычутся в окна,
И ждут, когда ягоды соками туго намокнут.
Коты улыбаются милой усатой улыбкой,
Ночами баюкает сердце волшебная скрипка.
И там обязательно пешка в ферзя превратится...
Мне кто-то сказал, что страна эта может присниться.

ВРЕМЯ КОРОТКИХ НОЧЕЙ

Скоро лето коснётся солнышка
Изумрудным своим темечком,
У колодцев блеснут доньшки,
И быстрее побежит времечко.

Буду думать: а лета хватит мне!
Только знаю: уже катится...
И при шалой лисе – дневной луне –
Лето новое шьёт платьеце.

Изо льна оно будет, хлопка ли,
Лету то одному ведомо.
Как артисту б ему хлопали!
Но в галёрке сидим где-то мы.

Мы оглохшие, мы ослепшие,
Зачарованные прелестью:
То ли мигами снов вечными,
То ли будущего прелестью.

Вот и астры, глядишь, вскинулись,
Приподнялись и гладиолусы...
Птичьих взлётов растут синусы,
И светлеют в пути волосы.

И не юное уж, а зрелое! –
Лето осень встречать ладится...
Не хотела, ох не хотела я,
Но меняю и я платьеце.

ЦВЕТ НЕБА – ИЮЛЬ

Цвет неба – обожаемый июль.
Кто не в восторге – может схорониться,
А мне побольше солнца сквозь ресницы!
...Варенье убегает из кастрюль,
И бесполезна начатая книга,
Над головой – бесценное индиго;
Стакан с водою сладкой, ледяной.
Эдем земной.
Ребёнок недоволен горькой долей:
Он должен спать: закончился обед.
Ах, сон дневной, его ужасней нет!
И бабушка – предвестница неволи,
Обманет детку сказкой, как всегда,
Не без труда.
Щенок, скуля, печенье просит слёзно.
Не заслужил: печенье не дано!
Оно волнует нюх уже давно,

Но на щенка старушка глянет грозно,
Лишь бровью поведя, чтоб не шумел:
Как он посмел!
Пёс учится служить под строгим взглядом.
Долг – охранять верёвочный гамак,
В котором мальчик не заснёт никак,
Обязанность сидеть на страже рядом -
Тиранят изнывающего пса!
Звенит оса...
Вот яблоко, покинувшее ветку,
О землю бьётся, катится в траву –
Во сне полёт случился, наяву? –
Его поднимут, отнесут в беседку,
И хрустнет золотистый твёрдый бок:
Таков итог.
Июль – природы чудная награда.
Минуты превращаются в часы,
И к осени склоняются весы,
Но мальчик спит пока. Будить не надо.
Щенок вильнёт хвостом, заслышав смех,
Он любит всех.

БАБЬЕ ЛЕТО

Здравствуй, солнце. Целуй! Заходи.
Воздух утренний, свеж и хрустален,
Проникает в объятия спален.
Бабье лето у нас впереди.

Сядь на краешек чашки моей.
Хочешь мёда июльского ложку?
И не мучай, пожалуйста, кошку.
Пусть следит за игрой голубей.

Сок от груши течёт по рукам.
Нет коварнее фрукта, чем груша!
На столе золотистая лужа –
Результат разрешившихся драм.

Кофе чёрен для белого дня,
Но божественно, бархатно крепок.
Время летних панамок и кепок
Не уходит пока от меня.

Иллюзорна прелестная ложь!
Я вчера не задёрнула шторы.
А туманы, сентябрьские воры,
Жёлтый лист принимают за грош.

Отдадим то, что взято взаймы.
Таёт медленно свет законный.
Нет сильнее природных законов.
Подчинимся законам и мы.

ИЛЛЮЗИЯ

Офелия в испачканной фате
Отыщет путь к зиме, пройдя сквозь осень.
Не видя больше смысла в красоте,
Она любви и радости не просит.

Прошли весенних ливней времена.
И летней неги мягкие постели
Всё реже будет вспоминать она,
На плечи бросив рваные метели.

Что осень ей со всем её добром?
Ответчицей бесправною и нищей
Наказана неправедным судом
Коротким сном и грубой, скудной пищей.

Ей женщиной счастливою не быть.
Ещё девчонка, но уже старуха.
Ей всё равно: любить или не любить;
Земля ей камнем будет или пухом.

Во взгляде белом умирает год.
Позёмка равнодушно лужи сушит.
И ведьмою безумною грядёт
Та, что теряет родственные души.

Ни щели нет в последнем полотне.
Награда для неё – венец покоя.
Она сказала: «Жизнь приснилась мне.
И я не знаю, что это такое»

ДЕКАБРЬ

Долго декабрь увивался вокруг да около,
Ждал, чтобы всё на свете насквозь промокло.
Ох и сомкнул он тогда ледяные челюсти!..
Мог бы на горле, чтоб сразу. Да много чести!

Лёд на реке опоясал он мёрзлым берегом,
С улиц прохожих гнал торопливым бегом.
Землю на сумрачных кладбищах сделал каменной,
Под ноги оттепель сыпал небесной манной.

Женщине, что разлюбила, с глазами белыми,
Густо покрасил волосы свежим мелом.
Злую тоску нагонял вечерами чёрными.
Птиц снежной кашею потчевал вместо зёрен.

Как ни лютуй, день короткий – не хвостик
заячий.
День подрастёт! На морозе дыханье жарче.
Солнце весной до льда и до снега голодно.
Сгинет декабрь от руки молодого года!

ЗИМНЕЕ

В одночасье закончилось лето без глупых страданий и мук.
Между стёкол сухая коллекция ос и замученных мух.
Деловитая, к нам на зонты осень прыгнула сразу.
Я тебе не обязана, ты мне вдвойне не обязан.
Оба знаем: обязанный – связан, а мы за свободу рук!
Но с пустыми руками – обидно до чёртиков. Замкнутый круг.

Сна мне не было больше ни ночью, ни днём; канул в лето покой.
Уток хлебом привычно кормила, но после махнула рукой
На дожди, на тебя. И на уток. Нет смысла и толка.
Поищи меня сам, если хочешь, ведь я не иголка
В необъятном стогу. Я колючая. И не бегу, смотри!
Просто так получилось: где остро снаружи – там остро внутри.

Но однажды настал белый день, и погода упала на мир!
По-щенячьи морозец погрыз покрывало тумана до дыр.
Я услышала: синью звеня, небо яростно пело!
Небо было пустым и безоблачным – в этом всё дело.
Мудро выпала ядрами суть из орехов, плодов лесных.
Год замкнулся. Заснула вода, и застыла земля до весны.

Знаешь, в сердце моём так тепло; и зимой продолжается жизнь!
У меня закрома тёплых слов и объятий – ты только держи!
Соли, чтоб обязательно съесть, два положенных пуда,
И посуды запас, чтобы бить! – бьётся к счастью посуда.
И без счёта свечей для ночей, барбарисовый сладкий чай...
Бедный мой, не замёрзни. Храни тебя бог. Прощай.

СВОБОДУ КАПЛЯМ!

Быть первым всегда опасно, но так революционно!
Юнцы шли в атаку страстно и бились о лёд со звоном!
Кричали: «Свободу каплям!», сверкая студёной кровью,
И метко втыкали сабли в ледовое поголовье.

Сосульки рыдали сладко, целуя детей в макушки.
На подвиги капли падки, как будто им жизнь – игрушка!
Оскалившись, злые лица коты обращали к небу:
Им капли мешали биться за кус кошачьего хлеба!

Рискованный и провальный, но как был порыв неистов!
Вороны «Виват!» кричали, приветствуя анархистов.
Под птиц картавые клики гремели аплодисменты,
И каплям вручались блики в торжественные моменты.

Внизу, напитавшись кровью весенних бойцов беспечных,
Над глупым их поголовьем, раздробленным и увечным,
Треща, потешалась льдина, и, скалясь, лоснилась сыто.
Смотрела, как войско стынет, глодала юнцов убитых.

А звёзды весной зубасты, и солнце пока – не в силе.
И первопроходцев каста в полёте к земле остыла,
И вот уже мерно обувь утюжит вечерний кафель...
А всё же – какая проба у глупых весенних капель!